

К. Г. Фролов

ГЕНРИ ПРАЙС О ПРИРОДЕ ЧУВСТВЕННЫХ ДАННЫХ¹

Статья посвящена опыту аналитического прочтения монографии «Восприятие» (*Perception*, 1932) оксфордского мыслителя первой половины XX в. Генри Прайса. Несмотря на то, что теория чувственных данных давно уже является частью истории аналитической философии, некоторые вопросы, поставленные в рамках этой концепции, до сих пор находятся в центре внимания и оживлённых дискуссий. Среди них — проблема статуса иллюзий и галлюцинаций, вопрос о каузальной связи между феноменальным опытом и событиями внешнего мира, полемика вокруг значения метафизики для данной сферы научных исследований и ряд других. В связи с этим в статье делается попытка раскрыть, развернуть некоторые наиболее интересные идеи и аргументы из работы Г. Прайса. Библиогр. 8 назв.

Ключевые слова: теория чувственных данных, философия восприятия, Г. Прайс, квалиа, убеждение.

K. G. Frolov

H. H. PRICE ON THE NATURE OF SENSE-DATA

This article contains an interpretation of a treatise called *Perception*, written by Oxford philosopher Henry Price in the first half of the twentieth century. We tried not to replicate, but to reveal some of the most interesting ideas and arguments of this book. Although the theory of sense-data is now part of the history of analytic philosophy, some of the issues raised at that time are still discussed. These include: problem of status of delusions and hallucinations, question about causal connections between phenomenal experience and events of the outside world, role of metaphysics for this field of research. Refs 8.

Keywords: theory of sense data, philosophy of perception, H. H. Price, qualia, belief.

Генри Прайс (1899–1984) не относится к числу широко известных в нашей стране британских мыслителей первой половины XX в. Область его наиболее важных достижений достаточно узка и конкретна — это философия восприятия. Однако если посмотреть на его работы шире, в контексте становления всей аналитической философской традиции, с её особым стилем и методом, то наследие Прайса может оказаться весьма заметной вехой на этом пути. Достаточно сказать, что двадцать четыре года (1935–1959) Прайс занимал должность Уикхэмского профессора логики в Оксфорде (на этом посту его сменил А. Айер).

Наибольший интерес для нас будет представлять монография Г. Прайса «Восприятие» (*Perception*, 1932). Поскольку объём нашей статьи ограничен, перейдём сразу к содержательным аспектам упомянутой работы, предполагая, что читатель в общих чертах знаком с основными положениями теории чувственных данных, интерпретирующей процесс чувственного познания как непосредственное восприятие некоторых сущностей (их природа и онтологический статус — предмет особого рассмотрения), выступающих посредниками между субъектом и предметами физического мира, которые собственно и обладают всем набором феноменальных свойств, таких как цвет, громкость, вкус и др.

Фролов Константин Геннадьевич — инженер-исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; Konstantin-Frolov@yandex.ru

Frolov Konstantin G. — researcher, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; Konstantin-Frolov@yandex.ru

¹ Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ 23.38.299.2014.

1. По Прайсу, чувственные данные являются не типами, а токенами²: «то, что я ощущаю — это не краснота, а пример (*instance*) красноты» [2, р. 103]. При этом чувственные данные не являются фактами или свойствами. Конкретная громкость некоторого звука является фактом. В то же время она является свойством, характеристикой этого звука. Но громкость не принадлежит к чувственным данным. К чувственным данным принадлежит только сам звук.

Факты и свойства — это не то, что воспринимается непосредственно, а то, что *распознаётся*; то, о чем выносятся суждения. При этом Прайс полагает вполне возможным, что «не существует восприятий без суждений, но это в любом случае принципиально различные вещи» [2, р. 103]. Данный тезис о различии — это именно то, против чего будет впоследствии возражать теория восприятия как принятия убеждений Д. Армстронга [3, р. 210]. Но, по мнению Прайса, у этого различия есть фундаментальное обоснование: звук — это то, что имеет своё собственное существование (*particular existent*). Он обладает свойствами, но сам свойством не является.

Путь, на который вступает Прайс, довольно скользкий. Ведь он сам чуть выше отнёс красноту не к свойствам, а к токенам. Краснота не *обладает* свойством красноты. Она ею *является*. Громкость же не является чем-либо сама по себе, но лишь *характеризует* звук в некотором отношении. В результате краснота и громкость оказались в принципиально разных лагерях, примерами из разных категорий. Конечно, само по себе это еще не было бы проблемой, если бы не тот факт, что относительно некоторых свойств довольно трудно определить, к какой категории они относятся. Например, высота звука. С одной стороны, высота — это одна из характеристик звука, такая же, как громкость. У разных звуков (например, скрипки и флейты) может быть одна и та же высота, что не делает их одним и тем же звуком (как было бы в случае с краснотой). Однако, с другой стороны, сказать, что высота является лишь свойством звука — значит утверждать, что в принципе она могла бы быть и другой, но это остался бы всё тот же звук. Но чем же является звук сам по себе, если высота — лишь его свойство? И нет ли у нас тогда оснований сказать, что и краснота — лишь свойство, характеристика визуального впечатления от томата? Так или иначе, добиться строгой и ясной последовательности на пути такого анализа очень непросто.

2. Являются ли чувственные данные, в том числе звук, субстанциями? Прайс отвечает на этот вопрос отрицательно. Ведь они не обладают свойством постоянства, сохранения себя во времени — тем, что в английском именуется «*persistence*». А это свойство принципиально необходимо для того, чтобы быть субстанцией — сущностью, на концептуальном (мысленном) уровне самодостаточной для собственного существования. Примеры же объектов, обладающих собственным, но при этом не субстанциональным существованием, можно найти и вне сферы восприятия. Так, Прайс упоминает молнию. Данный пример точно указывает, что здесь имеется в виду: в таких случаях мы имеем дело с процессами, которые в нашем мышлении упорно маскируются под предметы. Приведём более выразительный образ: водопад. В действительности водопад — это падающая сверху вниз вода. И ничего больше. Водопад не имеет собственного существования, отличного от падающей воды. Но здравый смысл категорически отказывается принимать такую точку зрения. Ведь

² Весьма удобный термин, введённый Ч. С. Пирсом [1]. Прайс его не употребляет.

далеко не всякая падающая вода — водопад. Водопад — это нечто конкретное, пространственно, географически локализованное. На него можно указать, его можно даже сфотографировать. Он имеет своё собственное название — в отличие от протекающей через него воды, к которой это имя никоим образом не относится.

Возьмём теперь еще более явный пример такого рода — танец³. Он тоже может иметь своё собственное название и претендовать на самостоятельное существование, представляя собой целостное произведение искусства, с особой композицией, гармонией и эстетикой, не сводимой ни к каким отдельным частям. И тем не менее это не должно скрывать от нас простую истину: танец — это последовательность движений тела. Он не редуцируем к ним. Он им *тождествен* в самом строгом смысле нумерического тождества. Отказ признавать это тождество будет прямо вести к дуализму одновременного существования в одном и том же месте пространства, с одной стороны, движений тела, а с другой — не сводимого к ним танца, «витающего» в этих движениях, что едва ли приемлемо даже с точки зрения простого здравого смысла.

В случае со звуком всё сложнее. Здесь здравый смысл молчит просто потому, что у него нет никаких других базовых интуиций. В самом деле, в рамках наших представлений о звуке мы имеем дело именно с таким дуализмом, причем в двух различных версиях — наивной и продвинутой. Наивная говорит о том, что в окружающем пространстве имеют место упругие колебания молекул воздуха и в них «витают» звуки музыки (как танец «витают» в движениях тела). Продвинутой версии утверждает, что этим колебаниям воздуха соответствуют колебания барабанной перепонки, которым в свою очередь соответствуют определённые сигналы в нейронах головного мозга. И уже где-то в них «витают» привычные нам звуки. Наконец, есть и третий вариант: признать сферу сознания и сферу физического фундаментально различными и никак не связанными сущностями.

Разумеется, все три варианта несовместимы с наукой, имеющей своей целью создание целостного и последовательного теоретического знания об исследуемой действительности. А вся традиция британского эмпиризма требует от нас отталкиваться от данных опыта — опыта восприятия красноты томата или белизны конверта.

3. Допустим, что чувственное восприятие — это действительно процесс, поток. Но поток чего? Если чувственные данные сами не являются субстанциями, то что составляет их субстанциональную основу? В той мере, в какой чувственные данные принадлежат нам, ответа может быть лишь два: либо их природа ментальна — и тогда они суть события в нашем сознании, либо их природа материальна — и тогда они суть события в нашем мозге.

Что означает первый вариант? Что такое принадлежность сфере сознания, нахождение в сознании? В действительности под принадлежностью мы подразумеваем не более чем особый характер нашей осведомлённости о наличии тех или иных событий нашего опыта и их свойствах, т.е. непосредственность восприятия. Сказать, что нечто воспринимается непосредственно и что нечто находится в сознании (принадлежит ему) — значит иметь в виду одно и то же.

Такое понимание принадлежности чрезвычайно важно, ибо оно не подразумевает, что чувственные данные являются *частью* сознания или тем более — что со-

³ Пример одолжен нами у Ф. Джексона [4].

знание *состоит* из чувственных данных (подобная трактовка вела бы к абсурдным следствиям вроде того, что когда мы слышим громкую музыку, наше сознание становится громким, а когда нам в лицо ударяет свет красного прожектора, наше сознание становится красным).

В случае с предположением о материальном воплощении чувственных данных в процессах в мозге нам также следует иметь в виду особенности отношения принадлежности — ведь никто не имеет в виду, что созерцание красного света сопровождается покраснением какого-либо участка мозга.

Здесь возникает риск попасть в ловушку дуализма — риск признать допустимым, что в одном и том же месте пространства, с одной стороны, имеют место некоторые материальные события в мозге, а с другой стороны, происходят события с чувственными данными — их восприятие, созерцание и анализ. Особенно остро эта проблема касается так называемых пространственных чувственных данных — того, с чем имеют дело зрение и осязание. Интуитивно очевидно, что эти чувственные данные тем или иным образом расположены друг относительно друга. Более того, человек с нормальным зрением вполне способен определить характер взаимного расположения любых двух визуальных пятен: какое из них находится выше, а какое ниже, или же они расположены на одном горизонтальном уровне; какое из них правее, а какое левее, или же они располагаются друг над другом. Таким образом, чувственные данные определённо обладают пространственными характеристиками. Но что это за характеристики?

Посмотрим на вопрос с формально-логической точки зрения.

Посылка 0. Чувственным данным присущи пространственные характеристики и взаимоотношения.

Посылка 1. Если чувственные данные суть события в мозге, то между этими событиями должны иметь место пространственные отношения того же рода (в силу замены имен и понятий с тождественными значениями).

Посылка 2. Однако между этими событиями в мозге нет аналогичных отношений, иначе мы имели бы в голове некоторую уменьшенную пространственную копию воспринимаемой действительности, где отдельным визуальным событиям и фактам внешнего мира соответствовали бы определённые события в мозге, и при этом соблюдались бы все пространственные взаимоотношения (выше — ниже, правее — левее). Однако процесс когнитивного анализа визуальной информации устроен принципиально иным образом, далёким от пространственного воспроизведения.

Заключение. Посылка 2 представляет собой отрицание консеквента посылки 1. Следовательно, по правилу *modus tollens* мы получаем, что чувственные данные никак не могут быть по своей природе тождественны событиям в мозге.

Где в этом построении можно усмотреть слабость? Разве что первая посылка способна вызвать некоторое недоверие. Однако в более привычных обстоятельствах анализа тождества у нас никаких сомнений возникнуть не может: водопад тождественен большим потокам падающей воды, следовательно, если один водопад находится севернее другого, то и одни потоки воды непременно падают севернее других.

Тогда у нас есть два пути развития размышлений: либо отказаться от тезиса о том, что события и процессы в мозге являются субстратом для чувственных данных, либо обратить внимание на тот факт, что замена понятий с тождественными значениями корректна без дополнительных оговорок и допущений только

в экстенциональных контекстах. В случае же чувственных данных такой контекст (прямое указание на объект, являющийся значением) по определению возможен только в перспективе от первого лица. Конечно, в методологическом плане это ограничение весьма существенно, в частности с точки зрения верификации. И тем не менее, находясь на позициях здравого смысла, мы вряд ли можем усомниться в своей способности по крайней мере во многих случаях указать на ментальный объект, являющийся частью сферы нашего чувственного восприятия. А этого уже достаточно. Указав на ментальный объект и указав на события и процессы в мозге, мы можем далее рассматривать их на предмет тождественности согласно той процедуре, что была описана выше в нашем выводе.

4. Каков же выход? Прайс видит его в понятии эмерджентности. На первый взгляд, это позволяет решить проблему. В самом деле, эмерджентные свойства, как правило, описываются в совсем иных терминах и характеристиках, нежели их носители, что делает перенос характеристик субстрата на производное эмерджентное явление принципиально некорректным. Так, песок, на котором нарисована картинка, обладает некоторой температурой. Но если мы рассмотрим рисунок обособлено, как некоторое эмерджентное свойство песчинок, не сводящееся ни к какой песчинке в отдельности, но рождающееся в результате их особого взаимного расположения, то к самому рисунку (как свойству) характеристика температуры уже не применима. Зато к нему применимы иные характеристики (такие как гармоничность композиции), неприложимые уже, наоборот, к песку.

В случае с пространственными отношениями между чувственными данными, с одной стороны, и между событиями в мозге, с другой стороны, нас несколько сбивает с толку кажущаяся идентичность этих отношений. В действительности же это совершенно различные характеристики, относящиеся к разным уровням рассмотрения и к разного уровня категориям. А потому физические процессы, не различимые по своему пространственному расположению, вполне могут порождать эмерджентные явления, интерпретируемые как обладающие различными пространственными характеристиками. Однако трактовка чувственного восприятия в терминах эмерджентизма при более детальном анализе сталкивается с рядом иных возражений, на которых мы здесь не будем останавливаться, ибо они были рассмотрены нами в другом месте [5].

5. Теперь перейдём от вопроса о том, какова природа чувственных данных, к не менее важному вопросу: «Какова корректная концептуальная структура процесса чувственного познания?» Иными словами, как следует понимать *форму взаимодействия* между субъектом и внешним миром в рамках этого познания? И здесь нам призвана помочь так называемая каузальная теория (*causal theory*), суть которой, на первый взгляд, очень проста: «1. “Некое М представлено моему восприятию” — эквивалентно “М является причиной чувственных данных, воспринимаемых мною непосредственно”. 2. Моё осознание данного М является в фундаментальном смысле выводом от соответствующего эффекта к его причине» [2, р. 66].

Это не что иное, как позиция типичного непрямого реализма: наше чувственное познание суть заключение о событиях и фактах внешнего физического мира по непосредственному восприятию чувственных данных, находящихся с этими событиями физического мира в определённых отношениях. Однако Прайса беспокоит некоторое несоответствие такой интерпретации нашим базовым интуициям от-

носителем чувственного восприятия, не предполагающим постоянного процесса *вывода*. Конечно, принято считать, что процесс вывода происходит в подавляющем большинстве случаев неосознанно и не доступен на сознательном уровне. Но тогда, задаётся вопросом Прайс, насколько вообще правомерно говорить, что мы имеем дело с выводом?

Гораздо более продуктивным является несколько иное объяснение происходящего. Прайс обращается к тому факту, что умения и навыки чувственного познания не предзаданы человеку, а формируются в период младенчества и раннего детства. Именно тогда делаются первые выводы, заключения о свойствах объектов внешнего мира по тем сигналам, которые получает от них организм при помощи органов чувств. Это трудный путь проб и ошибок, но именно опыт — лучший учитель. В дальнейшем эта интерпретация сигналов как посредников, осуществляющих презентацию свойств внешних объектов, становится настолько устойчивой, что не только не нуждается более ни в каких выводах, но даже, наоборот, требует серьёзных усилий со стороны мыслительной рефлексии, дабы установить точную форму взаимоотношений между познающим и познаваемым.

В какой-то мере подобная ситуация схожа с процессом увлечённого чтения, результатом которого является полное погружение читателя в мир литературных образов, их отношений и описываемых событий, так что восприятие отдельных букв, их специфических форм, шрифта, цвета полностью перестаёт осознаваться субъектом и требуется, наоборот, отвлечься от перипетий сюжета, вернуться к восприятию действительности, чтобы вновь заметить даже сам факт существования этих букв. Аналогия здесь прослеживается и в том, что чтение — навык не врождённый, а приобретаемый с большим трудом на том этапе интеллектуального развития, когда распознавание каждой отдельной буквы ещё составляет непростую задачу. И лишь со временем формируется описанная лёгкость и беглость.

Однако каузальная теория, несмотря на всю ее внешнюю простоту и правдоподобие, при более детальном рассмотрении сталкивается с некоторыми затруднениями. В самом деле, когда мы говорим, что стол является источником (причиной) некоторых наших чувственных данных, то представляется вполне обоснованным вопрос: а почему именно стол? Ведь каузальная цепочка, ведущая к генезису чувственных данных, сколь бы малоизученным ни был механизм этого генезиса, включает в себя несколько звеньев: это и свет — переносчик сигнала, и сетчатка — рецептор, и оптический нерв, и зрительный центр мозга. Процессы в них являются абсолютно необходимыми для генезиса чувственных данных, а значит, все они являются компонентами составной причины, и стол — лишь один из компонентов. А ведь здесь можно вспомнить и о том, что свет — переносчик сигнала — имеет собственное причинное происхождение. Если свет естественный, то он зарождается в результате термоядерных реакций в центральной части солнца; если свет искусственного происхождения, то для него, как правило, необходимо электричество, вырабатывающееся на соответствующих электростанциях. В итоге комплекс причин, приводящих к процессам формирования чувственных данных в рамках феноменального восприятия конкретного субъекта, имеет тенденцию неограниченно расширяться, что едва ли приемлемо. В то же время наши базовые интуиции говорят о том, что мы видим именно стол, а не процессы, которые происходят в нашем мозге или на сетчатке (хотя в некотором экзотическом смысле и то и другое по-своему верно).

Прайс предлагает следующий выход из сложившейся ситуации: разделить все причины на общие и частные. Общие — это те, которые необходимы для формирования любых чувственных данных того или иного рода. Для визуальных данных это сам факт существования конкретного живого организма с нормально функционирующим зрительным аппаратом и наличие света. Частные же причины — это те, что определяют само содержание чувственного опыта. И стол как раз подпадает под эту категорию.

Решает ли это все проблемы? Строго говоря, нет. Допустим, мы находимся в комнате с красным освещением. В результате все белые предметы (например, чистый лист бумаги) выглядят для нас красными. Но причина не в них. Причина в свете. Однако у его красноты есть свои причины — например, тот факт, что светящая лампочка целиком покрашена обычной красной краской. Получается, когда мы видим белый лист бумаги, мы каким-то образом в то же время видим и лампочку, покрашенную красным? Как минимум, это контринтуитивно.

Но почему? Ответ кроется именно в выводном характере нашего знания. А такая выводимость возможна только в случае взаимно-однозначного соответствия между причинами и последствиями. Если же причиной того, что лист бумаги в данных обстоятельствах выглядит для нас красным, может быть как красный характер освещения (при том, что лист белый), так и краснота самого листа, то мы на основе своих чувственных данных не сможем вывести, каким именно является цвет бумаги. Любые иные предположения строятся лишь на основе контекста, являющегося своего рода косвенным обоснованием (например, все хорошо знакомые нам предметы приобрели красноватую окраску, следовательно, всё дело в освещении).

И наоборот: представим, что в данных конкретных обстоятельствах нам точно известно, что причиной красноты освещения из всех возможных причин может быть *только* то, что лампочка покрашена красной краской. Тогда в этой ситуации, глядя на белый лист бумаги, воспринимаемый нами как красный, мы *увидим*, что лампочка действительно покрашена красной краской. Мы увидим это даже если вообще не будем видеть самой лампочки. *Увидим* именно в смысле *выводного* знания.

Другой пример. Представим себе, что мы смотрим на стол, отражённый в зеркале. Пусть мы понимаем, что это зеркало (оно имеет раму, и всё, что мы видим вокруг этой рамы, существенно отличается от того, что видно внутри), а вот сам стол скрыт от нашего непосредственного взгляда ширмой. Итак, что же мы видим: зеркало или стол? Каузальная теория вынуждает нас сказать, что мы воспринимаем сразу оба предмета: и зеркало, и стол. Ведь они оба являются частными причинами, определяющими содержание нашего конкретного зрительного опыта. И на основании этого опыта мы заключаем о существовании и стола, и зеркала. Значит, мы видим и то, и другое.

Но модифицируем наш пример. Пусть зеркало достаточно велико, а мы смотрим на него через трубочку, сужающую угол обзора до такой степени, что никакие границы этого зеркала нам не видны. Теперь мы вполне можем видеть отражённый в зеркале стол, но не знать, что это отражение. И каузальная теория приводит нас в данном случае к противоречию. С одной стороны, и зеркало, и стол по-прежнему определяют содержание нашего визуального опыта, а значит, мы видим и то, и другое. Однако факт существования зеркала мы не можем вывести из данных нашего восприятия — а значит, мы его не видим. Как ни странно, обе несовместимые аль-

тернативы по-своему согласуются с нашими базовыми лингвистическими интуициями. Мы действительно видим зеркало, потому что смотрим прямо на него. И в то же время мы *не* видим зеркала, не видим его поверхности, потому что даже не догадываемся о факте его существования.

Очевидно, причина этого расхождения в том, что первому взгляду на происходящее соответствует экстенциональная трактовка (речь идёт о взаимодействии между реальными объектами физического мира безотносительно к факту их знания друг о друге), в то время как вторая точка зрения имеет интенциональный контекст, фиксирующий то, в каких эпистемических отношениях находятся познающий и познаваемое.

Включение в анализ различия между интенциональными и экстенциональными контекстами является безусловным анахронизмом по отношению к работе Прайса, поскольку оно было введено Р.Карнапом существенно позже и по другому поводу [6]. Однако это различие может быть чрезвычайно полезным и при рассмотрении другой проблемы философии чувственного восприятия — феномена галлюцинаций, которые также представляют собой существенное препятствие на пути каузальной теории.

В самом деле, содержательная составляющая галлюцинаций в общем случае не определяется наличием тех или иных событий и фактов в пространстве, окружающем субъекта. Галлюцинации целиком и полностью обусловлены внутренними причинами, как общими, так и частными. При этом нет ровным счетом никакой возможности сказать, что в процессе восприятия галлюцинаций мы видим эти частные причины (как того требует каузальная теория). Наоборот, они нам вовсе неизвестны и скрыты от нашего сознания. Мы имеем дело лишь с феноменальными следствиями, как зрители в кинозале, воспринимающие результат работы сложной киномашинерии.

Конечно, и здесь мы можем сказать, что не видим причины своих галлюцинаций только потому, что нам не хватает опыта выведения причин из следствий. Однако заметим: если для ребёнка, усваивающего взаимосвязи между анализом собственных чувственных данных и практическим освоением пространства окружающего мира, приобретение этих навыков — лишь дело времени, в нашем случае одного лишь частого опыта восприятия галлюцинаций (например, при острой форме шизофрении) всё равно было бы недостаточно для того, чтобы научиться выводить из него скрытые в мозговой активности причины. В самом деле, эти мозговые процессы, их структура и динамика принципиально недоступны нашему наблюдению и практическому освоению без применения сложной аппаратуры и специальных методов исследования.

Но представим себе гипотетическую ситуацию, когда в результате этих самых исследований нам удалось установить взаимно-однозначную связь между фактом наличия галлюцинаций и повышением активности некоторой конкретной области мозга N. Тогда с этих пор мы могли бы из наличия у нас таких галлюцинаций выводить факт повышения активности области мозга N уже и без непосредственного наблюдения этого в результатах работы сложной аппаратуры. Видя галлюцинации определённого рода, мы бы теперь могли *видеть*, что зона мозга N активизировалась.

А теперь дополним этот каузальный анализ рассмотрением происходящего в терминах экстенционального и интенционального контекстов. Пусть у нас есть

суждение: «Вася видит чертика», которое основано на нашем текущем опыте общения с Васей. Является ли оно истинным или ложным? Даже на уровне базовых интуиций дать однозначную оценку довольно сложно. В самом деле, истинностное значение этого суждения будет зависеть от того, в каком контексте мы его рассматриваем. В экстенциональном контексте оно ложно, потому что чертиков не существует, у этого имени в нашем мире нет значения. А в интенциональном контексте оно вполне может быть истинно, если Вася действительно видит чертика. И здесь нет ни парадокса, ни противоречия.

Значит ли это, что в интенциональном контексте «видеть чертика» тождественно «полагать, что видишь чертика»? Строго говоря, нет. В нормальных условиях убеждения должны либо иметь некоторое обоснование, либо основываться на личной воле субъекта. В случае визуального восприятия второй вариант явно не имеет места: никакими усилиями воли Вася не сможет перестать видеть стол, чертика или красное пятно, если он его видит. Это просто не вопрос его воли и ее влияния (если таковая вообще существует и имеет какую-либо сферу влияния). Значит, генезис убеждения не является полностью свободным, он должен быть чем-то обоснован.

Но почему Вася полагает, что видит красное пятно? Очевидно, единственным приемлемым ответом будет «потому, что он его видит». Обоснование не может заключаться ни в каких других причинах (например, «потому что у него активизировалась определённая зона мозга»), ибо все другие причины происходящего в общем случае от Васи скрыты. Он просто о них не знает, а следовательно, они никак не могут служить *обоснованием* наличия у него того или иного убеждения.

И здесь нам остаётся только вернуться к пониманию «знания по знакомству» (с чертиком) как *непосредственного* восприятия чувственных данных. Только такой подход снимает как бессмысленный вопрос о том, откуда мы вообще знаем, что *именно* мы видим. Как мы узнаём, что то или иное пятно является красным? Ответ — непосредственно. Это знание дано нам в самом опыте, и ничто ему не предшествует и не требует дальнейшего обоснования. Это своего рода *самообосновывающее* убеждение: «S полагает, что видит чувственное данное P потому, что S непосредственно видит P».

А вот какие *выводы* относительно событий и фактов внешнего мира сделает Вася из того, что он действительно видит чувственные данные в форме чертика: поверит ли в существование чертей или осознает приступ расстройства собственной психики и вызовет скорую помощь — это уже зависит от множества факторов и причин, в том числе от воли самого Васи (если таковая существует). И сами чувственные данные этот вывод отнюдь не определяют: нет ничего немыслимого в том, чтобы видеть чертика и в то же время не верить в его существование. Еще раз: знание о свойствах чувственных данных является *непосредственным* и ими самими детерминированным, а знание о событиях внешнего мира является *выводным*. И выводное знание уже, строго говоря, не является частью процесса чувственного восприятия.

Сам Прайс приводит всё ту же аналогию с чтением. Допустим, мы читаем в книге «Цезарь перешёл Рубикон» [2, р. 141]. Мы видим и читаем ровно то, что написано в книге, и не можем прочитать там что-либо иное. Но при этом мы вовсе не обязаны соглашаться с прочитанным. Факт того, что некоторое суждение написано в книге, сам по себе отнюдь не является самодостаточным и исчерпывающим доказатель-

ством того, что так и было. В нормальных условиях мы склонны доверять автору, особенно если считаем его достаточно компетентным, поэтому в процессе чтения не задаёмся вопросом о том, насколько обоснованным шагом является принятие некоторого убеждения в результате прочтения некоторого суждения. Мы просто принимаем для себя это убеждение. Более того, процесс принятия новых убеждений оказывается просто неотделим от процесса чтения. Это один и тот же процесс. А уж если впоследствии мы сталкиваемся с вескими доводами против принятого ранее убеждения, то просто меняем его. Если позднее мы снова возьмём в руки прежнюю книгу, то увидим там ровно те же строки, с тем же содержанием — но на этот раз будет иметь место вполне мыслимое расхождение между тем, что мы видим, и тем, какие убеждения у нас имеются на этот счет. С чувственным восприятием дело обстоит аналогичным образом: по мнению Прайса, в нормальных условиях его можно охарактеризовать как процесс «принятия на веру» (*taking for granted*) [2, p. 142].

На этом мы закончим наш анализ теории восприятия Генри Прайса. В заключение нельзя не упомянуть о том, что теория чувственных данных, детище прославленных философов-аналитиков первой половины двадцатого века, в середине столетия подверглась беспощадной критике, особенно со стороны таких видных мыслителей, как Г. Райл [7] и Дж. Остин [8]. И хотя впоследствии отдельные аргументы дуалистического толка еще можно было встретить в ранних работах Ф. Джексона (позднее радикально пересмотревшего свои взгляды), по большому счету сегодня даже самые антифизикалистски настроенные философы сознания не признают себя теоретиками чувственных данных. Эта концепция уже стала частью истории — но отнюдь не маргинальной частью, а полноценной главой в истории аналитического мейнстрима.

Литература

1. Peirce C. S. Collected Papers of Charles Sanders Peirce. Harvard: Harvard University Press, 1958. 402 p.
2. Price H. H. Perception. London: Methuen & Co. Ltd., 1932. 345 p.
3. Armstrong D. M. A Materialist Theory of the Mind. London: Routledge & K. Paul, 1968. 375 p.
4. Jackson F. The Existence of Mental Objects // American Philosophical Quarterly. Vol. 13, No 1 (Jan 1976). P. 33–40.
5. Фролов К. Г. Аналитика эмерджентности в контексте проблемы сознания // Философия науки. 2012. № 3 (54). С. 105–116.
6. Карнап Р. Значение и необходимость. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. 384 с.
7. Ryle G. The Concept of Mind. London: Penguin Books, 1949. 334 p.
8. Austin J. L. Sense and Sensibilia. Oxford: Oxford University Press, 1962. 145 p.

Статья поступила в редакцию 31 января 2014 г.